

методов, приёмов, образов и символов, расширяя таким образом идею, проблематику и конфликт и реализуя конвенциональный тип интермедальности.

Литература

1. Егорова, Н.А. Интермедальность как способ организации различных видов текста / Н.А. Егорова // Иностранное языки: инновации, перспективы исследования и преподавания [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22-23 марта 2018 г. / БГУ, Фак-т социокультурных коммуникаций; редкол.: Е.А. Пригодич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 243 – 246.
2. Исагулов, Н. Интермедальность в литературе: к определению понятия / Н. Исагулов // Матеріали Всеукраїнської наукової студентської конференції «Зіставне вивчення германських та романських мов і літератур» (22-23 березня 2011 року) / Ред. колегія В.Д. Каліущенко (відп. ред.), М.Г. Сенів, В.Є. Приседська, А.О. Іванов. – Донецьк: ДонНУ, 2011. – Т. 1. – С. 115-117.
3. Скаландис, А. Братья Стругацкие/А. Скаландис. – М : АСТ, 2008. – 704 С.
4. Тишунина, Н.В. Методология интермедального анализа в свете междисциплинарных исследований / Н.В. Тишунина // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века : материалы междунар. науч. конференции, Санкт-Петербург, 18 мая, 2001 г./ С.-Петерб. гос. ун-т ; под ред. И.П. Бойко [и др.]. – СПб., 2001. – С. 149 – 153.

М.О. Polnikov

Vitebsk State University named after P.M. Masherova

e-mail: markpolnikov8@gmail.com

The novel “Roadside Picnic” by A. and B. Strugatsky and the film “Stalker” by A. Tarkovsky: an experience of intermedial analysis.

Key words: intermediality, intermedial analysis, types of intermediality, literature, cinematograph.

The article provides a brief overview of the phenomenon of intermediality and its types, conducts an intermedial analysis of the novel “Roadside Picnic” by A. and B. Strugatsky and the film “Stalker” by A. Tarkovsk with a help of classification of types of intermediality proposed by N. Isagulov.

Е.И. Пуштаева

Московский педагогический государственный университет

e-mail: pushtaeva.elena@yandex.ru

И.Г. Минералова

Московский педагогический государственный университет

e-mail:mig_mama@mail.ru

УДК 82-32

ОБРАЗ СВЯТОГО В ПОЛОТНАХ М.В. НЕСТЕРОВА И «СЕРДЦЕ АВРААМИЯ» Б.К. ЗАЙЦЕВА

Ключевые слова: образ, полотно, житие, рассказ, стиль.

В статье рассматривается образ Святого в произведении Б. К. Зайцева «Сердце Авраамия» и полотнах М.В. Нестерова, их взаимообусловленность и различие. Отмечаются способы создания образа Святого, их функции в рассказе и полотнах.

Рассказ Бориса Константиновича Зайцева «Сердце Авраамия» (1926) стал завершающим в цикле его агиографических произведений. В него, помимо упомянутого рассказа, вошли также «Преподобный Сергей Радонежский» (1924), «Алексей Божий Человек» (1925). «Сердце Авраамия» представляет собой художественное переложение жития святого Авраамия Галичского (Чухломского), ученика Преподобного Сергия Радонежского. Отступив от канона жития, Б. К. Зайцев особыми приемами создает художественный образ святого Авраамия, вынося в заглавие слово «сердце». Семантика названия подробно рассмотрена А.В. Налобиним: «В название рассказа в отличие от традиционно наличествующих в названии жития или агиобиографии имени святого, автор выносит смыслообразующую деталь, метонимически выстраивающую *путь* героя. Эта деталь определяется словом *сердце*. На смыслах, формирующихся вокруг данного слова, строится внутренняя суть истории об обретении Авраамием Бога в душе» [5; курсив сохранен]. Семантика заглавия свидетельствует о неканоничности создаваемого образа Святого: «При этом коннотация слова «сердце» не случайна, так как обнаруживает в главном герое простого человека, а не святого, помыслы которого далеки от устройства земной жизни и направлены только к свету Истины» [5].

Можно предположить, что, как и в случае с «Преподобным Сергием Радонежским», Б.К. Зайцев обращается в литературном произведении к опыту молодого живописца М.В. Нестерова [7]. Художественный поиск изображения Руси как христианской, молитвенной, святой страны выразился в полотне М.В. Нестерова «Пустынник» 1889 года. Эта картина относится к числу ранних произведений М.В. Нестерова и отражает важный для молодого художника духовный поиск ориентира, которым он будет руководствоваться всю жизнь: «Все пережитое мною тогда было моим духовным

перерождением, оно в свое время вызвало появление таких картин, как «Пустынник», «Отрок Варфоломей» и целый ряд последующих, создавших из меня того художника, каким остался я на всю последующую жизнь» [6, с. 48]. Важную роль в построении образа картины играет темная фигура странника – пожилого, самоуглубленного. Особенно характерно выражение лица старца, сосредоточенное, скорбное, устремленное куда-то вдаль. М.В. Нестеров при создании картины отмечал: «мне казалось: есть лицо – есть и картина; <...> Мне... нужна была душа человека» [6, с. 122].

«Пустынник» в соотношении с художественным пространством рассказа Б.К. Зайцева служит иллюстрацией того пути, на который вступил Авраамий по совету старца: «Походи по миру, послужи Богу, коли даст тебе размолоть сердце, то найдешь себя.

Авраамий продал дом и землю, *взял котомку, палку и пошел по миру.*

Собирал на церкви, служил батраком, пошел, наконец, послушником в монастырь» [1, с. 356; курсив автора]. М.В. Нестеров изобразил Авраамия в самоуглубленном, сосредоточенном, скорбном состоянии души. Старец находится в состоянии глубокой думы, скорби о собственном нестроении духа. Черный цвет его одеяний, рука, перебирающая четки, символизирует стяжание духа и неустанную молитву. Можно предположить, что это человек, который только встал на путь спасения и смирения, но уже осознал греховность своего бытия. Природа усиливает общее настроение картины: поздняя, холодная осень, пожухлая отцветшая трава, белые проталины снега символизируют «закованность» холодного сердца старца. Серое небо, холодное озеро как отражение неба, общая картина мрачной природы усиливает внутреннее состояние героя: нестроение сердца не дает покоя, радости и смирения. Пожухлая ветка горящей, алой рябины за спиной старца оттеняет мрачность красок и напоминает об увядании природы. Создается особый психологический параллелизм: старец во всем черном, скорбном и темная природа, глубокая осень как отражение его скорбящего духа.

М.В. Нестеров в 1914 году обратится к Житию преподобного Авраамия Галичского. Он напишет картину «Старец. Раб Божий Авраамий», из которой собственно и вырастет рассказ Б.К. Зайцева.

Творческий замысел М.В. Нестерова выражен в его письме 1914 года к другу в Уфу: «Пишу небольшого роста картинку «Раб Божий Авраамий». Изображен еловый молодняк, опушка, а среди него стоит старый-старый, согбенный раб Божий. Стоит он и взирает на мир Божий, на землю, на небо, на весеннюю, в цветах, лужайку и *радуется* – сколь все прекрасно создано Царем Небесным... Вот и вся тема... небольшая тема, небольшая картина» [7]. В картине живописец выразил основную доминанту рассказа Б.К. Зайцева «Сердце Авраамия»: согбенный, благочестивый и смиренный старец любит красоту природы. Он в преклонном возрасте, лик и одеяние его чисты, светлы, даже белы. Белое одеяние Авраамия не случайно, оно символизирует теперь внутреннюю чистоту души, благодатный свет сердца. Старец находится на берегу пустынного озера, созерцая нетронутый человеком Божий мир. Природа усиливает это настроение: весенний изумрудный лес, голубое ясное небо, зеленый ковер травы и цветов и просветленный старец, смиренно взирающий на красоту созданного Творцом мира. М.В. Нестеров изобразил на картине весну как возрождение от холодности сердца. Символический путь от осени, изображенной в «Пустыннике», к весне («Старец») скрывает в себе метафорическое значение скованности, отчуждения, немоты души и возрождения, просветления, «таяния» сердца. У Б.К. Зайцева находим: «Авраамий же чувствовал, как медленно, *огненно перетлевают* его сердце, точно невидимая мельница размалывает его» [1, с. 358; курсив автора]. В левом плане полотна мы видим маленький, тоненький красный кустик, который оттеняет общую белизну картины. М.В. Нестерову было важно показать небольшой горящий куст деревца, напоминающий об осени, ушедшем, или, наоборот, сигнализирующий о расцвете весны, душевном подъеме.

Б.К. Зайцев средствами словесной живописи *парафразирует* живописное полотно М.В. Нестерова [4, с. 23]: «Так плыли они по зеркальной глади. Легонький *туман стелился* над водой и мягко, будто кисеей, *завешивал леса* по берегам. Авраамий слабо греб, хотя был силен. И *серебряная, нежно лепетавшая струя*, как риза Богоматери, тянулась за кормою лодки» [1, с. 357; курсив автора]. Перерождение Авраамия, его очищение связано с метафорическим пересечением водного пространства – озера. На картине М.В. Нестерова мы можем заметить светлый круг на озере, символизирующий круг вечности. Е.Р. Боровская и И.Г. Минералова отмечают: «озеро оказывается как раз водой без времени, когда время – вечность, непреходящее настоящее, как в тропарях» [2]. Озеро является статичным, но через этот образ передается динамика пути человека от ущербного, злого к смиренному, согбенному, тихому старцу. Именно на озере происходит духовное преображение Авраамия: «– Я Богородица Умиление Сердец. По неким молитвам и по собственному твоему томлению, я сжалилась над тобой. Беру у тебя сердце» [1, с. 357-358]. Герой заступлением Всевышней Богоматери очищается, и рождается его новое, чистое сердце.

Характерно, что «Пустынник» написан в 1889 году, а «Старец» в 1914. Полотна, написанные с разницей в 25 лет, вполне естественно отражают тот путь, что прошел Святой. Они запечатлели

два пограничных, диаметральных состояния героя: «Пустынник» изображает Авраамия до духовного преображения, в пору его скитаний и послушничества. Герой долго служил людям, был послушником, но преобразился душой много позже: «Скитался он довольно долго и молился Богу, чтобы размолот ему сердце, чтобы отошли гнев и зависть»; «И стал сесть Авраамий. А покоя ему не было» [1, с. 356]. Авраамий должен был смирить свое сердце. Оттого взирает сосредоточенным, углубленным внутрь себя взором старец с полотна М.В. Нестерова. Темный лик странника, черные одежды и мрачность природы говорят о глубокой скорби души. Картина названа «Пустынник», что намеренно маркирует странствование, скитание, отчужденность от мира для самоуглубления и молитвенного подвига. Герой ищет уединения для общения с Богом, познания и преображения своего сердца. Другое изображение дает картина «Старец. Раб Божий Авраамий», запечатлевшая уже преобразившегося, просветленного старца. Белое одеяние как символ чистоты души сигнализирует о перерождении героя. «Здравствуй, блаженный Авраамие, новорожденный к любви и кротости, отныне дан тебе крест проповеди слова Божия и славы Богоматери среди неверующих и язычников» [1, с. 358; курсив автора], – пишет Б.К. Зайцев. Герой должен был пройти через долгий, тяжелый путь молитв, смирения, раскаяния и сердечной скорби, чтобы «обновить сердце». Характерно, что преображение героя происходит через очищение слезами: «Пал на землю под кустом высоким, можжевелевым, и зарыдал» [1, с. 356]. В тексте 50 Псалма мы находим такие строки: «Окропиши мя иссопом, и очишуся: омыеши мя, и паче снега убелюся» [8; курсив автора]. В данном случае очищение, омовение героя происходит через покаяние и слезы о грехах. Авраамий в сердечной, искренней, слезной молитве обращается к Господу и становится на путь духовного преображения своего сердца.

Б.К. Зайцев особыми художественными средствами выстраивает путь прихода человека к святости и смирению, путь к Богу. И основной доминантой в этом пути становится сердце, которые имеет такие характерологические эпитеты: «косматое», «тяжкое», «завистливое», «недовольное». Нужно отметить, что под сердцем Б.К. Зайцев подразумевает душу: «Душа находится в самой середине существа человека – в сердце, почему часто и называется она сердцем, а оно – душою. Сердце – есть душа наша» [8].

Тяжелое, косматое сердце не дает Авраамию полюбить близких и окружающий мир, не дает в полной мере раскаяться и приблизиться к Богу. Путь к святости возможен только лишь через внутреннее смирение и кротость, незлобивость, поэтому Авраамий должен был претерпеть долгий путь скитаний и послушничества. Смирение в поучении святых отцов Церкви предстает как основа и источник истинной любви. Святой Исаак Сирийский писал: «Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели... потому что без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание» [1]. В связи с этим и перерождение Авраамия возможно только через терпение, прощение и сокрушение собственного сердца.

Таким образом, живопись М.В. Нестерова тематически перекликается с художественным построением агиографического цикла Б.К. Зайцева. Писатель христианской жизни, Б.К. Зайцев, становится сходным с М.В. Нестеровым, бытописателем православной Руси, в художественном поиске изображения Святого Авраамия Галичского.

Литература

1. Авва Исаак Сирийский. Слова подвижнические. – М., 1858. Слово 46. – С. 289.
2. Боровская, Е.Р. Минералова, И.Г. Псалом 50 в рассказах "Скрипка Ротшильда" А.П. Чехова и "Сердце Авраамия" Б.К. Зайцева / Е.Р. Боровская, И.Г. Минералова // Успехи современной науки. – 2016. – Т. 4. – № 7. – С. 28-30.
3. Минералова, И.Г. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма: учебное пособие / И.Г. Минералова. – М.: Флинта, 2009. – 272 с.
4. Минералов, Ю.И. Сравнительное литературоведение / Ю.И. Минералов. – М.: Высшая школа, 2010. – 381 с.
5. Налобин А.В. Семантика «сердца» в формировании житийных смыслов в литературном апокрифе Б. К. Зайцева «Сердце Авраамия» / Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» cyberleninka.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/semantika-serdtsa-v-formirovani-zhitiynh-smyslov-v-literaturnom-apokrifeb-k-zaytseva-serdtse-avraamiya>. – Дата доступа : 10.02.2020.
6. Нестеров, М.В. Давние дни. Встречи и воспоминания // Подготовка текста, введение и примеч. К. В. Пигарева / М.В. Нестеров. – М.: Искусство, 1959. – 399 с.
7. Нестеров М.В. Из писем. / Сайт о русском художнике Михаиле Нестерове art-nesterov.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://art-nesterov.ru/letters116.php>. – Дата доступа : 10.02.2020.
8. Псалтирь в святоотеческом изъяснении. / Сайт verapravoslavnaia.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://verapravoslavnaia.ru/?Psalom_50_tolkovanie. – Дата доступа : 10.02.2020.

Источники

1. Ремизов, А. М. Зайцев, Б. К. Проза / А.М. Ремизов, Б.К. Зайцев. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 747 с.

E.I. Pushtaeva

Moscow State Pedagogical University
e-mail: pushtaeva.elena@yandex.ru

I.G. Mineralova

Moscow State Pedagogical University
e-mail: mig_mama@mail.ru

The image of the Saint on M. Nesterov's canvas and in the B. Zaytsev's story "The Abraham's Heart"

Key words: image, canvas, hagiography, story, style.

The article analyzes the image of Saint in the B. Zaytsev's story "The Abraham's Heart" and on M. Nesterov's canvas, their interdependence and difference. The ways of creating of Saint's image, their functions in the story and on canvas are noted.

Т.М. Пятроўская

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны
e-mail: ryzhajasonja@mail.ru

УДК 821.161.09

СТАТУС ПЕРАКЛАДНОЙ І РУСКАМОЎНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ ДЛЯ ДЗЯЦЕЙ

Ключавыя словы: модус ментальнасці, рускамоўная беларуская літаратура, пераклад, нацыянальная літаратура, дзіцячая літаратура.

У артыкуле разглядаецца статус перакладной і рускамоўнай беларускай літаратуры для дзяцей, прычыны ўзнікнення такой літаратуры, сувязь яе з нацыянальнай літаратурай. Таксама акрэслены праблемы, звязаныя як з малой колькасцю перакладаў, так і з вызначэннем "беларускасці" твора, напісанага на рускай мове.

Беларуская дзіцячая літаратура – гэта вялікі пласт нацыянальнай літаратуры, вельмі разнастайны як па жанрах, так і па накіраванасці адносна чытацкага адраса кнігі. На мяжы нацыянальнай дзіцячай літаратуры знаходзяцца: 1) пераклады замежных аўтараў на беларускую мову; 2) рускамоўная беларуская дзіцячая літаратура. Абедзве катэгорыі маюць сваю ўласную сувязь з літаратурай для дзяцей на беларускай мове. "Сусветная дзіцячая літаратура – значная і неад'емная частка сусветнай літаратуры ўвогуле. Гэта значыць, па-першае, што ў літаратуры кожнай краіны ёсць асаблівая галіна – дзіцячая літаратура, у сваёй сукупнасці творы дзіцячай літаратуры ўсіх краін і збіраюць сусветную дзіцячую літаратуру. Па-другое, што развіццё сусветнай дзіцячай літаратуры падначальваецца законам развіцця літаратуры ўвогуле: змена літаратурных эпох заўсёды прыцягвае змену мастацкай мовы, на якой пісьменнікі вядуць дыялог з чытачом, і гэта непазбежна адлюстроўваецца на дзіцячай літаратуры адпаведнага перыяда" [1, 48]. Зразумела, што нельга перакласці на родную мову ўсе сусветныя дзіцячыя кнігі, так чым жа абумоўлены выбар кнігі для перакладу? Па-першае, як правіла, абіраюцца кнігі, якія сталі класікай дзіцячага чытання. Найбольшае распаўсюджанне ў нашай краіне атрымалі пераклады скандынаўскіх аўтараў. Шведскі Інстытут нават распрацаваў праект па падтрымцы і папулярызацыі шведскай дзіцячай літаратуры на беларускай мове. Пачатак гэтай справе быў пакладзены ў 2008 годзе, калі выйшаў беларускі пераклад кнігі "Піпі Доўгаяпанчоха", на прэзентацыю якой у Беларусь прыехала нават дачка Астрыд Ліндрэн. Ю. Вісландэр разам з мужам Т. Вісландэрам стварылі кнігу "Малы мядзведзік" (пераклад Н. Кандрусевіч), у якой раскажваецца пра свет захапленняў малага хлопчыка. Кніга складаецца з маленькіх апавяданняў-сітуацый, у якія трапляе Малы. Мядзведзік – гэта простая цацка, з якой размаўляе хлопчык перад сном у ложку. Менавіта яму ён давае свае ўражання ад усяго перажытага за дзень. Усе дарослыя з павагай адносяцца да такой "дружбы" хлопчыка і мядзведзіка, ды і ўвогуле праяўляюць далікатнасць да ўсіх жаданняў і інтарэсаў хлопчыка.

Па-другое, для перакладу выбіраюцца сучасныя прагрэсіўныя кнігі, якія ўзнікаюць складанымі пытаннямі для дзіцячай літаратуры, па-новаму распавядаюць пра свет дзяцінства. Вельмі важным складнікам поспеху перакладной літаратуры з'яўляецца аўтар перакладу. Так, напрыклад, А.Бязлепкіна-Чарнякевіч прыводзіць прыклад двух эпизодаў з кнігі фінскага аўтара Ц. Парвела "Эла і сябры" (пераклад Ал. Казловай). Беларускамоўны: "Тут прыйшоў аўтобус. Ён быў жакліва вялікі і высокі. А шафёр, наадварот, быў нізенькі, тоўсценькі і барадаты. Калі мы з Ханнай зайшлі ў аўтобус, то вылупілі вочы на шафёра. Відавочна, не толькі настаўнік мог займаць дзіця" (па сюжэце дзеці